

Семь дней на передовой

Воспоминания о жизненном пути моей матери, Дубровиной Александры Ивановны

7 марта 1916 г (по старому стилю) в Москве, у Самодурова Ивана Михайловича и его жены Анны Дмитриевны, родилась дочь Александра.

19 мая 1927г она окончила курс Ново-Красно-слободской школы 1 ступени, проучившись в ней 4 года.

1934г – вступила в брак с Дубровиным Федором Ильичом, и в 1935 году у них родился первый сын Василий.

На срочную службу мужа призвали в 1936 году на два года.

В 1938 году после срочной службы мужа в армии они возвращаются в Москву, где ему предложили работать в Октябрьском районном военном комиссариате на должности сторожа – кладовщика с предоставлением служебного жилья (комнаты в Москве).

В 1939 году родился второй сын Виктор.

В 1940 году он увольняется, освобождает служебное жильё и всей семьёй переезжают в деревню Кутузово (в настоящее время это Москва, Зеленоград, поселок Кутузово).

Семья Самодуровых в 1915 году, до рождения младшей дочери, в Москве.

После того, как, её отца, Самодурова Ивана Михайловича в 1916 году забрали на 1-ю мировую войну, в Москве его жене с пятью детьми было сложно прожить, и они решили вернуться на родину в село Ново-Красное, Сапожковского района, Рязанской области.

По возвращению отца с войны, решили остаться на селе.

Работали много, жили хорошо, мать часто вспоминала «вся молодежь гулять вечером на околицу, а отец не пускает, потому что работать начинали с первыми петухами, а если не выплещись, какой из тебя работник». Дважды нас пытались раскулачить, но у нас ни когда не было наемных работников, все делали своими руками, поэтому эта инициатива на сельском собрании поддержки не имела».

Но на судьбе её брата это имело последствия. В 1932 году, когда он отслужил в рядах рабоче-крестьянской армии год срочной службы, из села Ново-Красное в часть пришло письмо, в котором было написано, что колхозное собрание постановило: «сын зажиточного, не сознательного крестьянина не может служить в рабоче-крестьянской армии» и его отчисли, а он мечтал стать военным. С первых дней войны он оказался на фронте и погиб при форсировании Днепра. И ещё два брата прошли дорогами войны и вернулись живыми с наградами. И её сестра в войну работала на машиностроительном заводе сборщицей.

А Дубровина Александра Ивановна 20 июня 1941 года провожала мужа на переподготовку на месяц, а оказалось на войну, на долгих 4 года. Она осталась с двумя детьми (1935г и 1939г рождения), сама на третьем месяце беременности будет жить в пристройке к курятнику в деревне Кутузово (сейчас это район Зеленограда).

С первых дней войны поселок Крюково начал перестраивать свою жизнь на военный лад. Стало создаваться народное ополчение — команды местной противовоздушной обороны, начались дежурства на улицах

Налеты немецкой авиации на Москву начались ровно через месяц с начала войны. Проходили они ежедневно и днем, и ночью. Женщины и дети дежурили на крышах домов, тушили огонь от зажигательных бомб.

Жизнь резко изменилась. Ввели карточки на хлеб. На поле между деревнями Кутузово и Каменка были установлены звукоуловители ПВО, извещавшие о приближении фашистских бомбардировщиков. По радио подавался сигнал "воздушная тревога". Налеты начались в июле. Каждый вечер с наступлением темноты раздавался нарастающих гул авиационных моторов, в небе появлялись силуэты бомбардировщиков, летевших в сторону Москвы.

Началось строительство оборонительных сооружений. На Ленинградском шоссе строили доты и дзоты, рыли противотанковые рвы. В августе её направили на рытье окопов и противотанковых рвов. Работали на

этих объектах неделю, ставили проволочные заграждения, противотанковые «ежи».

Она ощущали себя в глубоком тылу. Хотя и прилетали немцы и бросали свои бомбы, но все же канонаду было не слышно, а на самолеты зенитки управой были. Много их вдоль железнодорожного полотна по обе стороны в траншеях стояло - через каждые 500 - 800 метров. А около моста и станции было установлено много «ежей» и бетонных блоков - так что для проезда оставалась на шоссе узкая полоска... Война, паника, бомбежки, а поезда поначалу ходили. Прилетали фашисты обычно после 5 - 6 вечера, чтобы солнце зенитчиков слепило. Сначала редко, а потом все чаще и чаще. Били по станции, охотились на наши эшелоны. А война с каждым днем все ближе подбиралась. По ночам в сторону фронта двигались воинские составы и бронепоезда. Назад их, израненных, притаскивали с оказией, иногда даже цепляя по частям к пригородным поездам. Санитарные поезда утром шли на фронт с тем, чтобы ночью привезти раненых. Их постоянно бомбили... Сколько в ту осень по откосам вагонов да паровозов разбитых лежало! По двадцать штук на километр. Чтобы пути расчистить, вагоны вручную под откос сбрасывали.

Воздушные тревоги были по 2-3 раза в день, а также ночью. Немцы хотели окружить Москву и взять ее с двух сторон. В октябре-ноябре 1941 г. для Москвы было очень тяжелое время. Пятнадцатого октября И.В. Сталин отдал приказ об эвакуации фабрик и заводов из Москвы на восток.

Налеты немецких бомбардировщиков на Москву, о которых оповещали тревожные гудки паровозов, лучи прожекторов, ищущих непрошенных пришельцев с Запада, звездочки разрывов зенитных снарядов, стали привычными. В одну из ночей бомбы одного немецкого бомбардировщика, не донесенные до столицы, были сброшены на поселок. Воронки от взрывов даже в мерзлой земле поражали размерами.

К ноябрю эвакуация из Москвы закончилась, но враг в буквальном смысле стоял у ворот наших домов. Жители Крюково эвакуироваться не успели. Начали строить укрытия-землянки на случай бомбежек и каждую ночь уходили в них из своих домов вместе с детьми.

Немцы приближались к их деревне. Воздушные тревоги были по 4-5 раз днем и 3-4 раза ночью. Наши войска отступали. Двадцать третьего ноября немцы заняли Солнечногорск, а на следующий день в районе Крюково разбомбили пассажирский поезд, следовавший в сторону Москвы. 27-28 ноября наши войска отступали к Москве. Солдаты советовали жителям срочно покинуть свои дома и уйти в сторону Москвы. Но эвакуировать население было уже нельзя, да и идти-то было не только некуда, но и опасно.

Наши солдаты при отступлении получили приказ: "Ничего не оставлять врагу!". 28 ноября были взорваны железнодорожный мост на станции Крюково, железнодорожный вокзал, сожжена школа, сожжены все магазины, пекарня, амбулатория, взорваны два кирпичных завода, молокозавод, библиотека, разрушены платформы. А вечером было взорвано железнодорожное полотно до станции Сходня.

30 ноября немцы заняли посёлок Алабушево. Это было уже совсем рядом. В конце ноября фронт приблизился к Крюково. Немецкие самолеты стали летать и днем.

Ночами с запада слышен был гул, видны отблески пожаров. Все это порождало какую-то тревогу, ощущение надвигающейся большой беды. Вечером 30 ноября на опушке леса появились зеленые фигурки немцев. Застрочил с каменского бугра пулемет, и они быстро скрылись в лесу. Очевидно, это была разведка.

В эту же ночь на 1 декабря немецкие войска ворвались в Крюково. Немецкие танки тяжёлой лавиной шли по посёлку, подминая деревья, кустарники, заборы. Солдаты (за танками) въехали на мотоциклах, видимо, это были разведчики. Они сразу начали выгонять жителей из домов и землянок и занимать их сами.

Немцев же провел бывший лесник из Алабушево; всю танковую колонну, 24 танка, провел лесом. И немецкие танки подъехали, где был наш медсанбат. Кто мог ходить, все ушли, остались только лежачие. Они их вытащили на дорогу и раздавили танками. Потом, уже в марте, жители хоронили их, забинтованных — в большом окопе, на Слободке.

Утром 1 декабря в Каменке хозяйничали немцы

Пространство шириной в 1,5-2 км между нашей и вражеской линиями обороны можно назвать "ничейным": здесь располагались боевые охранения (для предупреждения о возможных атаках), сюда выходили снайперы и отдельные пулеметчики, выискивая цели.

И она с детьми жила на краю оврага, а линия фронта прошла по этому оврагу, на другой стороне была деревня Каменка в которой немцы создали сильный укреп район.

Семья перебралась в погреб. Она рассказывала, что недалеко от их дома огневую позицию занял тяжелый танк. Его размеры, мощный рев мотора, пушка, внушали надежду на нашу победу. Из танка вылез командир,

который предупредил её, чтобы от танка с детьми держалась подальше: "Мы будем стрелять, и в нас будут тоже".

Не смотря на многочисленные директивы отбить Крюково, это не удавалось сделать. Немцы крепко держались за поселок. Они превратили его в опорную базу, используя большое преимущество в танках и естественные возвышенности. В сторону Пятницкого шоссе была захвачена деревня Каменка, также возвышающаяся над местностью.

Немцы неоднократно выдвигались из Крюково, но вечером, после тяжелых боев, возвращали танки обратно. 3-4 декабря они появлялись на окраинах Рузино и Кутузово, немцы пересекли мост через речку Горетовку, вошли в нижнюю часть села, но на гору продвинуться уже не смогли.

В ночь на 3 декабря был отдан боевой приказ, в котором ставилась задача вернуть Крюково и Каменку.

3 декабря в 3 часа ночи после 15-минутной артподготовки началась атака. Всего за день были 3 атаки, и все они были безуспешными, с большими потерями для наших подразделений.

И очень точно 4 декабря повторилась картина предыдущего дня: артподготовка, атака, продвижение вперед на несколько сотен метров, ответный огонь из пулеметов, автоматов, орудий, минометов и - отход в исходное положение.

В небе над Каменкой появились звенья фашистских пикировщиков. Жестокие бои развернулись на каменском поле, что западнее деревни. В ночь на 7 декабря был сильнее обычного грохот. Они сидели в погребе, прижавшись друг к другу в ожидании смерти. Вот так они и жили на передовой, прячась в погребе, а их дом превратился в решето от пуль и осколков, а потом и совсем рухнул от попадания снаряда.

И вот накануне контрнаступления к ним пришли военные и сказали: «что ей лучше от сюда с детьми уйти, здесь завтра будет ожесточенный бой и выжить здесь будет мало шансов, немцы будут стрелять в нас, а мы в них».

Выбравшись из погреба она не увидели танка, остались только следы его широких гусениц. Как и ожидалось, снаряды, предназначенные ему, не пощадили её дом. На краю деревни стояла пушка. Рядом, метрах в трех от нее, валялась лошадь, запряженная в повозку, и растерзанный труп нашего солдата. Видно, во время боя в расчет угодила снаряд, следы взрыва которого были видны на снегу.

Линия фронта была где-то рядом, иногда пули подлетали к их домам и с легким шипением скрывались в снегу. Сгорело немало жилых домов, административных зданий.

На поле они увидели уже припорошенные снегом трупы наших бойцов - результат утренней атаки в лоб на деревню Каменка.

Под обстрелом вышли из деревни и пошли по заснеженному полю в сторону станции Сходня.

7 декабря она с двумя сыновьями, старшему Василию 6 лет, а младшему Виктору 2 года, ушла в Москву. Всю дорогу они шли пешком, в мороз, везя на санках младшего сына.

Попали под артобстрел, попадали в снег. На дороге остались только санки с младшим сыном. Потом они долго шли по дороге в сторону Сходни. Она не помнила названия деревни, где они попали в расположение воинской части. Их разместили в избе, обогрели, накормили кашей. Её детям дали по куску сахара. И они пошли дальше.

Попали под бомбежку: Раздался нарастающий гул авиационных моторов, в небе появились силуэты бомбардировщиков, летящих в сторону Москвы. Над Сходней вспыхнули осветительные бомбы. Мертвецкий свист бомб, от которого некуда было спрятаться, залил станционные пути, на которых разгружались воинские эшелоны, это прибывали новые части и пешком отправлялись на передовую. И тотчас с невидимых самолетов на землю обрушились бомбы, все потонуло пыли и пламени.

Бомбили и авиационные заводы и в Химках. Первые самолеты сбрасывали САБы - светящиеся авиабомбы и осветительные ракеты на парашютах. Становилось светло, как днем. Зенитки открывали огонь. Небо пересекали огненные трассы. Темноту разрывали лучи сотен прожекторов. Прожектористы отыскивали летящие в ночи бомбардировщики, слепили немецких пилотов, не давая им осуществлять прицельное бомбометание.

А они шли, и с двух сторон шел бой с лева за Красную Поляну (сейчас это район Лобни) а с права шел бой за Нефедьево.

Позже она узнает что решающую роль в исходе многодневного сражения сыграл удар в обход Крюкова в направлении Каменки. Это подтверждается и мемуарами К. К. Рокоссовского: «К 8 декабря в результате почти трёхдневного боя, доходившего часто до рукопашных схваток, а также обхода посёлка с юго-запада, сопротивление противника было сломлено. 8 декабря к ночи Крюково и Каменка были полностью освобождены от фашистов».

Добравшись до Москвы, они увидели зенитные орудия на улицах Москвы. Оборонительные укрепления у мостов и на улицах много «ежей», заградительные аэростаты на московских бульварах, бойцов зенитных батарей наблюдавших за небом рядом с Большим театром, сбитый немецкий самолет на площади Свердлова.

Москва жила прифронтовой жизнью. Пришли к родственнице, которая жила в доме за Большим театром.

С первых дней войны как укрытие использовали метрополитен, в том числе недостроенную третью линию. Днем метро работало, а после 19 часов, а в отдельные дни после 17 часов оно превращалось в убежище. Хоть здесь можно немного поспать.

13 декабря 1941 года в бомбоубежище, располагавшемся в метро на станции «площадь Свердлова» (сейчас станция «Театральная») родился у неё третий сын Евгений.

В 1942 году в Москве было голодно и холодно. Дров не было. По ночам с домов обдирали доски обшивки. Когда и они кончились, жгли книги, искали старые деревянные бочки. В доме сожгли все, что могло гореть. Из мебели остались только железные кровати.

Хлеба на иждевенческие карточки выдавали в два раза меньше, чем на рабочие. Все ценные вещи были обменены на муку и картошку.

Очередь за получением хлеба занимали в 16 часов вечера, а хлеб привозили в 11 часов утра. Зима 1942 года была очень холодная, снежная, морозы доходили до минус 32-33 градусов. За хлебом стояли всю ночь. Других продуктов не было. Дважды (ночью и утром) делали перекличку. Если отсутствуешь при проверке - из списков (получения хлеба) вычёркивали. Было очень холодно. Несколько раз обмораживала нос и руки.

Им уже не нужны были две комнаты. В месте с родственницей жили в одной, самой маленькой комнате, где поставили печь «буржуйку», спали вместе, в одной кровати, так теплее, комната была полутёмная, поэтому легче было соблюдать светомаскировку. Ели хлеб, мороженную картошку, пили чай из морковки. Даже очистки от картошки не выбрасывали, а использовали для приготовления аладьев. Ели лебеду, которую тоже надо было покупать (на рынке она стоила тогда 20 руб. за килограмм, а буханка черного хлеба – 600 руб.).

Так они прожили до весны. Весной они вернулись в родную деревню. Их приютили соседи от которых они узнали, что немцы расстреляли по доносу председателя колхоза Ярославцева. Его выдала "немка" - учительница немецкого языка. Когда и откуда она появилась, толком не знал никто.

На улицах поселка Крюково и деревни Каменка стояли брошенные немцами машины и танки. В Каменке на поляне за пожарным сараем, лежали штабелями накрытые брезентом трупы наших солдат. Предать их земле не было никакой возможности из-за сильных морозов, только весной их сложили в большую яму сгоревшего колхозного овощехранилища и присыпали землей.

Прожила они там недолго, ведь от дома нечего не осталось. Строить даже мазанку не было и сил, и возможности. Поэтому она с тремя детьми и свекровью, решила снимать часть дома рядом со станцией Сходня в деревне Морчихино. До Сходни немцы не дошли и таких разрушений там не было.

Жили бедно, денег которые приходили с фронта от мужа не хватало. И когда младшему сыну исполнился год, она пошла работать в феврале 1943г проводником вагонов на Октябрьской железной дороге.

Ленинград был тогда в блокаде и поезда на паровозной тяге ходили до станции Бологое. Там можно было купить дешёвых ягод, грибов и рыбы, а также дрова. Поэтому когда поезд возвращаясь в Москву проходил мимо станции Сходня, его ждал старший сын которому было восемь лет и мать сбрасывала ему сверток с продуктами или поленницу дров.

14 января 1944 года советские войска перешли в наступление под Ленинградом и Новгородом и в упорных боях нанесли поражение немецко-фашистским войскам группы армии "Север". К концу февраля наши войска продвинулись на 220-280 км, освободили от врага всю Ленинградскую область и часть Калининской (ныне Тверской).

Отступая, гитлеровские войска разрушали железные дороги, уничтожали мосты, верхнее строение пути, линии связи, устройства водоснабжения паровозного и других хозяйств. Многие участки пути и другие железнодорожные объекты были заминированы.

В освобожденных районах начались работы по восстановлению железных дорог. К Дню Красной Армии 23 февраля 1944 года все восстановительные работы были завершены.

Из города на Неве в сторону Москвы проследовал первый после снятия блокады грузовой поезд. В тот же день такой же поезд прибыл из столицы в Ленинград. Одновременно ленинградские и московские железнодорожники готовили в первый после блокадный рейс экспресс "Красная стрела".

Первая после блокады «Красная стрела» отправилась 20 марта, и на ней проводницей работала Дубровина Александра Ивановна. В пути состав еще могли атаковать немецкие самолеты, поэтому вереницу вагонов замыкала бронированная платформа с зенитными пулеметами.

Дубровина Александра Ивановна со своими подругами.

Вот что пишет в своем дневнике участник этого рейса, ленинградский журналист Матвей Фролов: «Если бы не пулемет на товарном вагоне, прицепленном в «хвосте поезда», трудно было бы и подумать, что война продолжается. Что идут бои на Днестре. Все оборудование поезда довоенное. Когда 22 июня 1941 года «Красная стрела» пришла в Ленинград в последний раз, железнодорожники не только надежно укрыли составы, но и бережно спрятали все оборудование: белье, одеяла, ковры, хрустальные графины – пригодятся! «Стрела» не ходила больше тысячи дней. Все хозяйство сберегли, и оно действительно пригодилось».

На экспрессе «Красная стрела» он проработала проводницей до августа 1945 года.

После увольнения купила в лесу не далеко от станции Сходня мазанку и участок земли, на котором росла картошка и капуста, был запас дров, за 10000 рублей. И начала обустривать новое место жительства, мазанка конечно была развалюха, но в ней можно было жить и зимой и это было уже свое жильё.

В октябре вернулся с фронта муж Дубровин Федор Ильич, кавалер трех орденов «Славы», ордена «Отечественной войны» второй степени и медали «За отвагу».

В 1946 году родился четвертый сын Владимир.

Работала в метрополитене «кировский радиус» на должности рабочая.

В 1954 году родился пятый сын Александр.

1955г награждена медалью «МЕДАЛЬ МАТЕРИНСТВА» 2 степени.

Работала на Московском мебельно- сборочном комбинате №1.

В 1977г. Ветеран труда и ветеран Великой Отечественной войны, уволилась в связи с выходом на пенсию по старости.

9 ноября 1998г Александра Ивановна умерла в возрасте 82 лет.

Она вместе с мужем вырастила пятерых детей, дала им образование и научила их работать с пользой для родины:

Дубровин Василий Федорович – за свой труд и научные разработки в обороной области, награжден орденом «Знак почета».

Дубровин Виктор Федорович - стал сварщиком универсалом высшей квалификации, ему доверялось сварка на ответственных участках.

Дубровин Евгений Федорович – кавалер двух орденов «Трудовой славы», лауреат «Премии Совета Министров СССР».

Дубровин Владимир Федорович – награжден федерацией космонавтики России медалью имени «академика В. П. Глушко».

Дубровин Александр Федорович – ветеран ФСБ, принимал участие в испытании сверх точного оружия, имеет государственные награды.